

КРИТИКА ИНСТИТУТА КОМПЛЕКСНОЙ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЛЕКЦИИ МИШЕЛЯ ФУКО 1975 Г. В КОЛЛЕЖ ДЕ ФРАНС

Г.И. СИБИРЦЕВ, к.ю.н., доцент департамента уголовного права и криминологии, Факультет права и администрации, Университет Гданьска (Польша, г. Гданьск), e-mail: georgii.sibirtsev@ug.edu.pl

В данной статье рассматривается критика судебно-психиатрической экспертизы, изложенная Мишелем Фуко в его лекции от 8 января 1975 года в Коллеж де Франс. Рассматривая эту лекцию в контексте более широкой аналитики власти Фуко, представленная системная критика судебной психиатрии рассматривает эксперта не как нейтрального арбитра психического состояния подсудимого, но скорее как субъекта суждения, или коррекции дискурса как формы юридической и клинической истины. Широко опираясь на концепции клинической психиатрии и рассматривая конкретные примеры судебно-медицинских заключений, Мишель Фуко пробует ответить на вопрос, как экспертные суждения влияют на восприятие и нормализацию различных девиаций, регулируют категории ответственности и безумия. Методологически статья сопоставляет лекцию с другими текстами Фуко и как и другими исследователями, с целью проследить как судебная экспертиза соотносится с осуществлением суверенной формы власти.

Ключевые слова: комплексная психиатрия, комплексная экспертиза, Мишель Фуко, дискурс, системы мысли, уголовное право.

Введение

*«Психиатр действительно становится судьей, он действительно совершает акт следствия, причем не на уровне юридической ответственности индивида, а на уровне их реальной виновности.»
Мишель Фуко, 8 января 1975 года в Коллеж де Франс.*

В творческой биографии великого французского ученого Мишеля Фуко (1926-1984) принято выделять два ключевых периода: структуралистский (до второй половины 1960-х гг.) и постструктуралистский (с конца 1960-х гг.). Второй период - время активной гражданской позиции и реакции на вызовы современности, размышлений над философской проблемой субъекта и оформление концепции «власти-знания» [1].

Относящиеся ко второму периоду лекции М. Фуко в Коллеж де Франс, в которых он высказывал свое мнение по поводу различных актуальных событий, исправно собирали полную аудиторию. На них приходил даже «бывший секретарь Сталина», а слушатели записывали их на магнитофонные кассеты [2, с. 193]. Одной из лекций в данном цикле как раз и стала критика судебной психолого-психиатрической экспертизы, прочитанная в выступлении 8 января 1975 года.

Основные положения

Однако, прежде чем мы перейдем к анализу самого материала, начать необходимо с упоминания книги, в которой данная лекция Фуко была впервые опубликована. Безусловно документальная и оттого еще более жуткая книга Марселя Жуандо «Три ритуальных убийства» описывает три реальных уголовных дела, глубоко шокировавших Францию в середине XX века. Эти дела до сих

пор поражают масштабностью злодеяний. Объединяет их то, что обвиняемые ссылались на дефекты своей воли: все они утверждали, будто помимо их желания подпали под влияние третьих лиц, что и склонило их к совершению преступных действий.

Как можно догадаться, во всех этих кейсах ключевую роль сыграли заключения психолого-психиатрических экспертиз, подтвердивших вменяемость всех трех преступников. Эти экспертизы, по сути, предопределили обвинительный характер конечных судебных решений, исключив единственно возможный вариант защиты – ссылку на дефекты *mens rea* (субъективной стороны преступления). Представляется вполне обоснованным обсудить описанные в книге преступления, чтобы лучше понять дальнейшую логику лекции Фуко, прочитанной в Коллеж де Франс. Как пишет сам Жуандо в своей книге: *«личности трех убийц кажутся несовместимыми с тем, что они сотворили. Во всех трех случаях монстрами оказались мирные, заурядные обыватели. Во всех трех случаях убийство совершено с крайней жестокостью. И во всех трех случаях после преступления, словно потряхнув потусторонний морок, убийцы вернулись в обличье ничем не примечательных людей. Все злодеи словно не поняли до конца, что же с ними приключилось. Такова сила ритуального преступления»* [3, с. 8].

Хотя на первый взгляд преступления, рассматриваемые Жуандо, производят впечатление иррациональных девиаций, детальный анализ материалов уголовных дел и экспертных заключений неизменно приводил автора к выводу о полной вменяемости подсудимых. Таким образом, Жуандо эксплицирует парадокс, при котором внешняя чудовищность и кажущееся безумие криминального акта не находят своего подтверждения в клинико-психиатрических категориях, оставляя субъекта в поле абсолютной юридической и моральной ответственности.

Первым кейсом в данном исследовании выступает дело Денизы Лаббе, совершившей хладнокровное убийство своей двухлетней дочери Катрин. Находясь в деструктивной романтической связи с бывшим военнослужащим Жаком Альгарроном, увлекавшимся экзистенциальной философией, Лаббе оказалась объектом его психологических манипуляций. Именно к такому выводу впоследствии пришла судебная психолого-психиатрическая экспертиза, послужившая основой обвинительного приговора. Используя изощренные интеллектуальные уловки, Альгаррон транслировал идею о том, что их «высшая любовь» должна быть скреплена общим трансгрессивным актом – совместным преступлением или, в теологической терминологии, общим грехом. Несмотря на то, что в материалах дела отсутствовали прямые вербальные приказы Альгаррона ликвидировать ребенка (рожденного Лаббе от другого мужчины), его перманентные сомнения в искренности чувств партнерши выступили скрытым триггером и катализатором детоубийства.

Стремясь доказать силу своей привязанности, Лаббе совершила несколько последовательных попыток инфантицида посредством утопления. Выбор подобного способа убийства имел глубокую психотравматическую детерминацию: отец Денизы покончил с собой, бросившись с моста, вследствие чего водная стихия в ее сознании прочно ассоциировалась с танатологическим актом. Очередная попытка привела к гибели ребенка, после чего Лаббе незамедлительно проинформировала своего ментора.

Однако реакция Альгаррона оказалась предельно циничной и хладнокровной: он констатировал, что совершенное деяние полностью лишило ее в его глазах прежнего интереса.

Вторым криминальным прецедентом в исследовании Жуандо выступает трагическая гибель супруги доктора Эвену, на протяжении долгого времени мирившейся с демонстративной неверностью своего известного во Франции мужа.

Ситуация достигла апогея, когда одна из любовниц врача, Симона Дешам, фактически поселилась в семейной резиденции Эвену. Обладая непререкаемым авторитетом, доктор убедил Дешам совершить физическое устранение своей супруги. Более того, в момент совершения преступления он лично координировал действия сообщницы, направляя удары ножа в тело спящей женщины. Одиннадцать ножевых ранений (по числу лет совместной жизни супругов) привели к немедленной смерти мадам Эвену. Обладая крайне низким уровнем образования, Симона Дешам находилась в состоянии тотальной психологической зависимости от своего кумира, который полностью ассимилировал её суверенную волю [3, с. 60].

Ги Денойе был католическим священником из небольшой французской деревни Юрепуа. В 1956 году его имя оказалось в центре одного из самых шокирующих уголовных дел того времени. Согласно

материалам расследования, Денойе состоял в тайных отношениях с восемнадцатилетней Региной Фей, которая впоследствии забеременела. Опасаясь разоблачения и возможных последствий для своей репутации и церковной карьеры, священник совершил убийство молодой женщины, застрелив её.

После преступления Денойе предпринял ряд действий, которые следователи и эксперты позднее охарактеризовали как имеющие ритуальный и крайне тревожный характер. Обстоятельства, обнаруженные в ходе расследования, вызвали широкий общественный резонанс и привлекли внимание как прессы, так и специалистов в области криминологии и психиатрии. Особое потрясение вызвало обращение преступника с телом жертвы и её нерождённым ребёнком, что сделало это дело одним из наиболее мрачных и обсуждаемых преступлений во Франции середины XX века. Святой отец цинично участвовал в поисках мертвой дочери стекольщика Регины, а затем, когда изуродованное тело было найдено, прочитал над им же убитыми матерью и сыном молитву *“De profundis”*.

“Для меня очевидно, что вы утратили четкое представление о том, что значит быть священником, и забыли о том, какие обязанности налагает ваш сан.

Реакция Денойе на эти слова была необычной: вместо того, чтобы продолжать соглашаться с судьей, он гордо выпрямился, словно принимая вызов, и заговорил громко и твердо, как не говорил еще ни разу с момента ареста:

– Нет, я всегда был священником и всегда это признавал. Я не забывал о своем сане ни на миг!

После этих слов воцарилась долгая, какая-то пронзительная тишина. Лица судей окаменели. Как раз в это время за окнами пошел густой снег, и слышен был шорох снежинок о стекла” [3, с. 91].

Жуандо достаточно красноречиво излагает предполагаемую мотивацию отца Денойе. По его мнению, ребёнок должен был погибнуть вместе с матерью, поскольку существование ребёнка от связи с Региной Фей неизбежно раскрыло бы отношения священника и поставило бы крест на его дальнейшей службе в деревне Юрепуа.

Следует учитывать, что Денойе и ранее был замечен в связях с прихожанками, что уже становилось причиной скандалов на его предыдущих местах служения. В случае разоблачения новой связи его положение в Католической церкви могло стать крайне шатким, а продолжение церковной карьеры – весьма проблематичным.

Именно поэтому, как отмечают исследователи дела, отец Денойе пытался убедить мадам Фей избавиться от ребёнка. Однако молодая женщина оставалась непреклонной. Несмотря на давление и возможные трудности, она намеревалась сохранить беременность и самостоятельно воспитать мальчика, не рассчитывая на участие его отца. Эта решимость, по мнению ряда авторов, могла стать одним из факторов, подтолкнувших священника к роковому решению.

“Помимо убийства, у вас было множество других вариантов, позволяющих избежать скандала. Например, скрыться вместе с Региной или одному. Все что угодно было бы лучше, даже самоубийство. Вам приходила в голову мысль покончить с собой?

– О нет! – с горячностью восклицает Денойе. – Убить себя? Ни за что!” [3, с. 95].

Три описанных Жуандо уголовных дела, сопровождаемые тщательно подобранным иллюстративным материалом, включая фотографии преступников и их жертв, нередко производят на неподготовленного читателя чрезвычайно сильное впечатление. В многочисленных читательских отзывах книга характеризуется как одно из наиболее тревожных и эмоционально тяжёлых произведений, посвящённых истории преступности, с которыми им когда-либо приходилось сталкиваться. Подобная реакция объясняется не только исключительной жестокостью рассматриваемых преступлений, но и особенностями авторского повествования, сочетающего документальную точность с детализированным описанием обстоятельств совершённых деяний.

Однако в рамках настоящего исследования основной интерес представляет не сама работа Жуандо, какой бы значимой она ни была для изучения французской уголовной истории середины XX века. Несомненно, книга заслуживает самостоятельного анализа как источник, позволяющий реконструировать общественное восприятие тяжких преступлений и механизмы их репрезентации в популярной литературе. Тем не менее, центральным объектом нашего внимания станет текст статьи выдающегося французского мыслителя Мишеля Фуко, добавленная в конце произведения и прочитанная им в *College de France* 8 января 1975 года.

Общая характеристика взглядов Мишеля Фуко

Здесь необходимо кратко остановиться на научной деятельности Мишеля Фуко. Прежде всего стоит отметить, что у философа нет работ, напрямую посвященных политико-правовой теории. Тем не менее в сферу его интересов входил самый широкий круг тем: история медицины и психиатрии, развитие системы образования, эволюция человеческой сексуальности и, разумеется, история уголовных наказаний. Комплексный анализ трудов Фуко позволяет восстановить его системные взгляды на природу политической власти и права как такового [17; 18; 19; 20; 21].

Власть понимается Фуко довольно не типично. В первую очередь, одним из первых Фуко настаивает на идентичности институтов больницы, школы, казармы и тюрьмы как институтов, формирующих дискурс. Власть устанавливает границы общества через понимание нормального (допустимого) и девиантного или иначе говоря через определение границ безумия [1].

Таким образом, описание политической философии Фуко представляется непростой задачей по двум причинам: во-первых, как было уже отмечено, сам Фуко не оставил системной работы на тему философии власти, и включал размышления о ней в самые разные произведения [9, с. 5-20]; во-вторых, философия Мишеля Фуко носит яркий постмодернистский характер (хотя сам он всячески избегал данного термина) и исследует скорее следствия или социальные эффекты власти, нежели фокусируется на ее природе. Власть им исследуется через ее симптомы (через анализ таких институтов как школа, тюрьма, больница) [4, с. 13].

Тем не менее, следует помнить, что рассмотрение психолого-психиатрической экспертизы невозможно без предварительного обращения к понятию власти, занимающему центральное место во всём корпусе работ Мишеля Фуко.

Для французского философа психиатрическая экспертиза не является нейтральным инструментом установления истины о психическом состоянии индивида и не сводится исключительно к медицинской или научной процедуре. Напротив, она представляет собой одну из специфических практик власти, посредством которых осуществляется классификация, нормализация и регулирование человеческого поведения [5, с. 208].

В понимании Фуко власть действует не только через запреты, принуждение и репрессивные механизмы государства. Гораздо более значимым является её продуктивный характер: власть производит знания, формирует категории субъектов, определяет границы между нормальным и патологическим, допустимым и недопустимым [6, с. 22-53]. Именно в этой связи психолого-психиатрическая экспертиза приобретает особое значение. Она выступает не просто средством диагностики, но и механизмом, позволяющим институционально закреплять определённые представления о личности преступника, его мотивах, степени ответственности и социальной опасности.

Рассматривая историю психических заболеваний, Мишель Фуко приходит к выводу об определенной «условности» этого понятия в общественном сознании. В Средние века душевнобольные люди не изолировались в специализированных учреждениях; более того, сами психиатрические больницы не были известны средневековому обществу. Может ли это означать, что в то время душевнобольных было значительно меньше, и лишь с эпохи Возрождения они стали серьезной социальной проблемой? Представляется, что нет.

Тематическое поле, связанное с практиками принуждения и насилия внутри общества, находилось в центре исследовательского интереса Мишеля Фуко, разработавшего собственную оригинальную версию исторической социологии «власти-знания», и предложившего уникальную оптику анализа дисциплинарных практик господства [4, с. 13]. Его работы оказали значительное влияние на социально-теоретические дискуссии 1970-1980-х годов.

Фуко пишет: *«государство никогда – ни сегодня, ни в своей предшествующей истории – не представляет собой некую целостную структуру и не обладает ни какой-либо индивидуальностью, ни строгой функциональностью. Оно, я бы сказал, не имеет той значимости, которую ему приписывают. По-видимому, это не более чем композитная реальность и мифологизированная абстракция, так что важность его, судя по всему, сильно преувеличена»* [4, с. 14].

Столь радикальная критика традиционных представлений о государстве приводит его к отказу от эссенциалистской, институционалистской и централистской модели господства: основополагающим для его понимания власти был тезис о том, что власть невозможно раз и навсегда точно

зафиксировать в социальном пространстве. В его аналитической перспективе лишена смысла сама идея политической власти, постоянно локализованной в определенном наборе институтов и прежде всего в государственном аппарате [18].

Некоторые авторы предлагают рассматривать концепцию власти Фуко через двухэлементную модель, выделяя лишь две основные формы власти. Подобные различия связаны как с особенностями интерпретации работ Фуко, так и с неоднозначным пониманием места биовласти в его теоретической системе.

Курс лекций Мишеля Фуко «Нужно защищать общество» с точки зрения подхода к анализу власти.

В ходе своего исследования Фуко очерчивает три типа власти, которые он располагает в хронологическом порядке, однако не отвергает их активного взаимодействия [4, с. 13]. В этом исследовании Мишель Фуко выделяет три основных исторических типа политической власти, которые присущи западному миру – это *суверенная власть, дисциплинирующая власть и биовласть* [12].

Фуко, обосновывая метод своего исследования, заводит речь о проблеме учреждения государства. Он утверждает, что дискурсы права и дисциплины исторически формируются и сосуществуют параллельно. Модель суверенитета не универсальна, но возобновляется с особой силой, когда начинает доминировать дисциплинарная технология власти. Первоначально «дискурс дисциплины чужд дискурсу закона», поскольку его источником является не право, а клинические знания [10].

Фуко вводит в свою концепцию власти понятие «паноптикум». Этот концепт он использует из одноименного произведения И. Бентама. В своем интервью французский философ утверждает, что изучая устройство тюрем и эволюцию строения тюрем, он столкнулся с тем, что на И. Бентама ссылаются все сочинения, написанные на эту тему. Главное в идее паноптикума у И. Бентама заключается в правилах и принципах построения тюрем, которые описывает Фуко: *«Правило таково: по краю расположено кругообразное здание, в середине этого круга находится башня, в башне же проделаны широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца»* [12]. И далее: «Строение по краю разбито на камеры, каждая из которых проходит сквозь всю толщу здания. У этих камер по два окна: одно, выходящее внутрь как раз напротив окошек башни, и другое, выходящее на внешнюю сторону и позволяющее свету освещать всю камеру. Тогда и оказывается, что вполне достаточно поместить в срединную башню одного надзирающего, а в каждую камеру запереть безумца, больного, осужденного, рабочего или школьника. И на просвет из башни можно будет рассматривать вырисовывающиеся на свету маленькие силуэты узников, заточенных в ячейках этого кругообразного здания. Короче говоря, так мы переворачиваем правило темницы, ибо оказывается, что полная освещенность и взгляд надзирателя стерегут лучше, чем тьма, которая в конце-то концов укрывает» [11, с. 220-249].

По мнению Фуко, суверенная власть ведет начало от Средневековья и появилась в Европе благодаря возрождению идеи римского права, а также вследствие формирования идеи монарха и монархии в целом. В первую очередь она держалась на теории суверенитета, которая развивалась как в политическом, так и в юридическом дискурсах. Второй точкой опоры этой власти является *право*, формирование которого взял на себя философско-юридический дискурс. Таким образом, такой тип власти удерживается благодаря контролю суверена через управление людскими ресурсами, и использует при этом законодательство и государственную систему права [12].

Суверенитет и право являются основаниями этой власти [16]. При этом, по мнению М. Фуко, неважно, о каком суверенитете идет речь. Как теория общественного договора Т. Гоббса [3, с. 127], так и теория «народного суверенитета» Ж.Ж. Руссо [8] в равной мере удовлетворяли власть. Иначе он называет суверенную власть как «власть-удержание». Она функционирует по принципу «отнять», «подавить» или «наказать». Дисциплинарная власть (или «власть-нормализация») – тип власти, развившийся в XVIII–XIX веках. Она действует не через принуждение, а через контроль, наблюдение и дисциплину [17].

Биовласть (биополитика) – форма власти, которая нацелена на управление жизнью населения в целом. Если дисциплина работала с телом индивида, то биополитика регулирует рождаемость, смертность, здоровье, гигиену и долголетие всего общества [12].

Критика комплексной психолого-психиатрической экспертизы как элемента политического дискурса в лекции 8 января 1975 года

Прежде всего следует обратиться к общей критике современной системы правосудия, разработанной Мишелем Фуко, в рамках которой особое место занимает анализ механизмов производства знания и осуществления власти в судебной сфере.

Важной составляющей данной критики выступает рассмотрение судебной психолого-психиатрической экспертизы, которую Фуко интерпретирует не только как инструмент установления фактических обстоятельств дела, но и как один из механизмов нормализации и социального контроля. С его точки зрения экспертное знание в области психологии и психиатрии играет существенную роль в функционировании современных практик власти, поскольку позволяет классифицировать индивидов, определять степень их «нормальности», и тем самым участвовать в процессах дисциплинирования и регулирования поведения [13].

Фуко рассуждает об «одновременно схоластической и арифметической форме разновидности судебного доказательства, которая в свое время в уголовном праве XVIII века именовалась легальными доказательствами и в которой выделялась целая иерархия доказательств, уравнивающих друг друга и со стороны качества, и со стороны количества» [3, с. 95].

Описывая формальную теорию оценки доказательств, Фуко приходит к выводу о противопоставлении двух основополагающих теорий в уголовном процессе: это принцип внутреннего убеждения судьи и, собственно, система легальных доказательств. При этом Фуко приходит к выводу о том что *де-факто* система легального доказательства лишь претерпела легкие внешние изменения, по сути сохранив свою арифметикоподобную природу: «Так скажем, и в нынешней системе французского правосудия полицейские рапорты и свидетельские показания полицейских обладают своеобразной привилегией над всеми прочими сообщениями и свидетельствами, поскольку произносятся приведенным к присяге полицейским служащим. С другой стороны отчеты экспертов – в силу того, что положение экспертов придает тем, кто эти отчеты излагает, научное достоинство, а точнее научный статус, – также получают некоторую привилегию над всеми прочими элементами судебного доказательства» [3, с. 135].

Дискурсы истины при этом имеют у него тройственную форму (наказание, наука, юмор). Именно с этой точки зрения Фуко оценивает комплексную психолого-психиатрическую экспертизу и ее роль при рассмотрении уголовных дел. Она, прежде всего, *медикизирует* решение суда, придавая ему статус научного дискурса.

Мишель Фуко обрушивается с довольно конкретными обвинениями, основанными на фундаментальном анализе различных экспертиз из реальных судебных дел. Прежде всего он выделяет три функции экспертизы в уголовном процессе [3, с. 149-155]. Сам автор не дает им названия поэтому предложим их самостоятельно, принимая во внимание мнение, устоявшееся в науке относительно философских представлений Мишеля Фуко. Каковы же основные функции психолого-психиатрической экспертизы?

Легитимация дисциплинарной власти (медикизация правосудия). Эксперт (психиатр) позволяет правосудию дополнительно пользоваться авторитетом науки. Суд отправляет правосудие не только за поступок, но и за «душу» преступника, его прошлое и характер, что позволяет власти вмешиваться в жизнь индивида до и после совершения преступления. В лекции 1975 года Фуко так пишет об этой функции: «Психиатрическая экспертиза позволяет сместить точку приложения кары, или предусмотренного наказания, в сторону криминальности как характеристики, которая оценивается с морально-психологической точки зрения... Познавательный эффект психиатрической экспертизы равен нулю, но это не так уж важно. Ее основная роль заключается в том, что она узаконивает в виде научного знания распространение наказывающей власти за пределы правонарушения» [3, с. 123].

В доказательство своей точки зрения Фуко приводит одну из психиатрических экспертиз 1955 года. Экспертиза начинается с достаточно высокомерной характеристики: «Месье А. не блещет интеллектом, но и не глуп, умеет связно изложить свои мысли и наделен хорошей памятью» [3, с. 124]. Далее судебный эксперт во многом основывает свою оценку нравственных качеств подозреваемого на его сексуальной ориентации: «В том, что касается морали, он гомосексуалист с двенадцати или тринадцати лет, и поначалу этот порок носил характер компенсации насмешек, которые ему

пришлось терпеть в детском доме в Ла-Манше. Не исключено, что женоподобное поведение месье А. усугубило уже имеющуюся в нем склонность к гомосексуализму, однако к вымогательству его привело не что иное как жажда наживы...» [3, с. 124].

Далее идет часть экспертизы, которая звучит скорее как приговор суда: «...совершенно аморален, циничен и неводержан в словах. Три тысячи лет назад он наверняка оказался бы одним из жителей Содомы, и небесный огонь вполне заслуженно наказал бы его за порочность» [3, с. 124].

Другая экспертиза в деле упомянутой ранее мадам Лаббе содержит такое описание подсудимого: «еще одной психологической особенностью Альгаррона наряду с боваризмом (данная человеку способность выставлять себя другим, нежели он есть), геростратизмом [14] и алквадизмом [15] является донжуанизм» [3, с. 120].

Формулировки и дефиниции, содержащиеся в психолого-психиатрических экспертизах, как правило, не ограничиваются анализом конкретного преступного деяния. Напротив, они нередко распространяются на личность обвиняемого в целом, предлагая всестороннюю оценку его образа жизни, моральных качеств, привычек, семейных отношений, сексуального поведения и биографических обстоятельств. В результате предметом экспертного рассмотрения становится не только сам факт совершения преступления, но и весь жизненный уклад подсудимого.

Подобная практика позволяет экспертному знанию выходить далеко за пределы установления психического состояния лица в момент совершения уголовно наказуемого деяния. Экспертиза начинает функционировать как инструмент более широкой социальной оценки, в рамках которой отдельные особенности поведения интерпретируются как признаки отклонения от общепринятых норм. Тем самым она участвует в формировании представлений о том, что считается нормальным, допустимым и социально приемлемым, а что подлежит осуждению, коррекции или контролю.

Конструирование «ненормального» в личности преступника. Экспертиза устанавливает грань между нормой и патологией, превращая правонарушение в симптом болезни или дефекта личности. Она переводит юридическое понятие преступления в медицинское понятие «опасного состояния» или «ненормальности».

Этико-психиатрический анализ действия. Экспертиза служит инструментом для восприятия преступления не только в рамках юридических категорий, но также в определениях психолого-психиатрических, а равно и этических, что может оцениваться как дополнительное обоснование справедливости вынесенного приговора. Причем согласно Фуко именно эксперт психиатр играет ключевую роль в вынесении решения, поскольку, как было отмечено ранее, в системе неформальной оценки доказательств экспертные суждения занимают очень высокую позицию. Также подобная судебная оценка формирует социальный дискурс.

Заключение

Мишель Фуко резко критикует институт судебной психолого-психиатрической экспертизы, указывая на его субъективность, «ущербность» и претенциозность. Он вполне справедливо отмечает необоснованно высокое положение экспертных заключений в системе доказательств, по сути сопоставляя их с формальной теорией оценки доказательств, где отдельным видам придается заранее установленная сила.

Со свойственной ему скрупулезностью и категоричностью Фуко указывает на поверхностность экспертных суждений, в то же время их зачастую ничем необоснованную широту, а также на их безапелляционный характер. Он подчеркивает, что экспертное знание нередко выходит за пределы своей компетенции, претендуя на объяснение не только психического состояния, но и поведения, личности и даже социальной опасности индивида, что вызывает серьезные сомнения с точки зрения научной строгости и процессуальной справедливости.

К великому сожалению, лекция от 8 января 1975 года, прочитанная в Коллеж де Франс, на наш взгляд, не получила должного внимания в процессуальной юридической науке. Более того, даже в философских исследованиях она упоминается сравнительно редко, несмотря на ее значительный потенциал для анализа взаимодействия власти, знания и права.

Надеемся, что данная статья поспособствует поддержанию интереса к философии Фуко, а также напомнит исследователям о наличии важных процессуальных аспектов в его работах, выхо-

дящих за рамки исключительно философии уголовного наказания. Кроме того, обращение к этим идеям может стимулировать дальнейшее переосмысление роли экспертного знания в современном правосудии и его влияния на формирование судебных решений.

Г. Сибирцев, к.ғ.к., қауымдастырылған профессор, Материалдық қылмыстық құқық және криминология кафедрасы, Құқық және басқару факультеті, Гданьск университеті (Польша, Гданьск қ.): Мишель Фуконың 1975 жылғы 8 қаңтарда Коллеж де Франсте оқыған дәрісіндегі сот-психиатриялық сараптамаға қатысты сыны.

Бұл мақалада Мишель Фуконың 1975 жылғы 8 қаңтарда Коллеж де Франсте оқыған дәрісінде тұжырымдалған сот-психиатриялық сараптамаға қатысты сыны қарастырылады. Дәрісті Фуконың билік/білім (power/knowledge) талдауының кең контекстіне орналастыра отырып, мақалада сот-психиатриясы психикалық жағдайды бағалайтын бейтарап төреші ретінде ғана емес, құқықтық және клиникалық ақиқаттың белгілі бір түрлерін өндіретін және бекітетін үкім шығару технологиясы ретінде қызмет ететіні дәлелденеді.

Фуконың клиникалық көзқарас (clinical gaze), заңи медицина және субъективтендіру процестері туралы тұжырымдарына сүйене отырып, зерттеу сарапшы-психиатрлардың куәлігі ауытқушылықты қалыпқа келтіру мен басқаруға қалай қатысатынын, жауапкершілік пен есі ауысқандық мәселесін қалай реттейтінін және институционалдандырылған сараптама режимдері арқылы құқықтық субьектіні қалай қалыптастыратынын талдайды.

Әдіснамалық тұрғыдан мақала осы дәрісті сол кезеңдегі Фуконың басқа мәтіндерімен және қосалқы әдебиеттермен қатар қарастыра отырып, сот сараптамасының тәртіптік (disciplinary) және егемендік (sovereign) билік нысандарымен қалай астасатынын анықтайтын тұжырымдамалық қадамдарды қадағалайды.

Мақала қорытындысында Фуконың сыны сот-психиатриясын қайта тұжырымдауға — яғни оны шамамен бейтарап техникалық практикадан үкіметтік және заңи биліктің кең ауқымыдағы жүзеге асырылуына енгізілген араласу ретінде қарастыруға — шақырады деген тұжырым жасалады. Сот сарапшыларының куәлігі, психиатриялық жауапкершілік және құқықтық-медициналық іс жүргізуді реформалау жөніндегі қазіргі заманғы пікірталастарға қатысты салдары талқыланады.

Түйін сөздер: сот-психиатриясы, сот сараптамасы, Мишель Фуко, дискурс, ойлау жүйелері, қылмыстық құқық.

G. Sibirtsev, PhD in Law, Associate Professor, Department of material Criminal Law and Criminology, Faculty of Law and Administration, University of Gdansk (Gdansk c., Poland): Critique of Forensic Psychiatric Expertise in Michel Foucault's 8 January 1975 Lecture at the Collège de France.

This paper examines Michel Foucault's critique of forensic psychiatric expertise as articulated in his lecture of 8 January 1975 at the Collège de France. Situating the lecture within Foucault's broader analytics of power/knowledge, the paper argues that forensic psychiatry functions not merely as a neutral arbiter of mental state but as a technology of judgment that produces and enforces particular forms of legal and clinical truth. Drawing on Foucault's accounts of the clinical gaze, juridical medicine, and processes of subjectification, the study analyzes how expert psychiatric testimony participates in the normalization and management of deviance, negotiates responsibility and insanity, and shapes the legal subject through institutionalized regimes of expertise. Methodologically, the paper reads the lecture alongside contemporaneous Foucauldian texts and secondary literature to trace the conceptual moves by which forensic expertise becomes entangled with disciplinary and sovereign modes of power. The paper concludes that Foucault's critique invites a reconceptualization of forensic psychiatry: from a supposedly neutral technical practice to an intervention embedded in broader exercises of governmental and juridical authority. Implications for contemporary debates on expert testimony, psychiatric responsibility, and reform of legal and medical procedures are discussed.

Keywords: forensic psychiatry, forensic expertise, Michele Foucault, discourse, systems of thoughts, Criminal Law.

Список литературы:

1. Бокарева О. Концепция власти и понятие «Власть-знание» в философии Мишеля Фуко. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 3-1. С. 172-175.
2. Вен П. Фуко. Его мысли и личность. Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб: Восход, 2014. 195 с.
3. Жуандо М. Три ритуальных убийства. Тверь, 2020. 180 с.
4. Кильдюшов О.В. Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения. *Социологическое обозрение*. 2014. № 13 (3). С. 9-32.
5. Лизина Н.В. Практики власти как управленческие отношения в работах М. Фуко. *Известия Алтайского государственного университета*. 2011. № 2 (2). С. 206-209.
6. Макарычев А. С. Суверенитет, власть и политическая субъектность: две линии критической теории. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2010. № 6 (4). С. 22-53.
7. Русаков С. С. Трехуровневая концепция политической власти М. Фуко // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2016. № 1. С. 114-126.
8. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре. Москва: «Канон-Пресс», 1998.
9. Сокулер З.А. Вступительная статья. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. Пер. с французского. СПб.: Университетская книга; М.: Рудомино, 1997. С. 5-20.
10. Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. Санкт-Петербург: Наука, 2005.
11. Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. Санкт-Петербург: Наука, 2004.
12. Фуко М. Око власти. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006.
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва: «Ad Marginem», 1999.
14. Геростратизм – это стремление к известности, славе любой ценой, зачастую через совершение разрушительных, асоциальных или преступных действий. Термин происходит от имени древнегреческого жителя Эфеса Герострата, который в 356 г. до н.э. сжёг храм Артемиды, чтобы его имя осталось в истории.
15. Имя Алкваида часто используется в качестве синонима «человека, в характере которого сильные качества соединены с множеством недостатков (претенциозность, карьеризм)».
16. Agamben G. *Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press. 1995.
17. Bogard W. Discipline and Deterrence: Rethinking Foucault on the Question of Power in Contemporary Society. *The Social Science Journal*, 1991, 28 (3), pp. 325-346.
18. Honnet A. (1989) *Kritik der Macht: Reflexionsstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
19. Winkel G. Foucault in the forests – A review of the use of Foucauldian concepts in forest policy analysis. *Forest Policy and Economics*, 2012, 16, pp. 81-92.
20. Crawshaw P. Governing at a distance: Social marketing at the (bio)politics of responsibility. *Social Science and Medicine*, 2012, 75, pp. 200-207.
21. Bailey A. J. Migration, recession and an emerging transnational biopolitics across Europe. *Geoforum*, 2013, 44, pp. 202-210.
22. Jessop B. From micro-powers to governmentality: Foucault's work on statehood, state formation, statecraft and state power. *Political Geography*, 2007, 26, pp. 34-40.
23. Vainio A. & Paloniemi R. Forest owners and power: A Foucauldian study on Finnish forest policy. *Forest Policy and Economics*, 2012, 21, pp. 118-125.

References:

1. Bokareva O. Konceptsiya vlasti i ponyatie «Vlast'-znanie» v filosofii Mishelya Fuko. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2019. № 3-1. С. 172-175.
2. Ven P. Fuko. Ego mysli i lichnost'. Per. s fr. V.Yu. Bystrova. SPb: Voskhod, 2014. 195 s.
3. Zhuando M. Tri ritual'nyh ubijstva. Tver', 2020. 180 s.

4. Kil'dyushov O.V. Mishel' Fuko kak issledovatel' «policejskogo gosudarstva»: programma, evristicheskie problemy, perspektivy izucheniya. Sociologicheskoe obozrenie. 2014. №13 (3). S. 9-32.
5. Lizina N.V. Praktiki vlasti kak upravlencheskie otnosheniya v rabotah M. Fuko. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 2 (2). С. 206-209.
6. Makarychev A. S. Suverenitet, vlast' i politicheskaya sub"ektnost': dve linii kriticheskoy teorii. Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2010. № 6 (4). С. 22-53.
7. Rusakov S. S. Trekhurovnevaya koncepciya politicheskoy vlasti M. Fuko // Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2016. № 1. С. 114-126.
8. Russo, Zh.-Zh. Ob obshchestvennom dogovore. Moskva: «Kanon-Press», 1998.
9. Sokuler Z.A. Vstupitel'naya stat'ya. Fuko M. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epohu. Per. s francuzskogo. SPb.: Universitetskaya kniga; M.: Rudomino, 1997. S. 5-20.
10. Fuko M. Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1975-1976 uchebnom godu. Sankt-Peterburg: Nauka, 2005.
11. Fuko M. Nenormal'nye: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1974-1975 uchebnom godu. Sankt-Peterburg: Nauka, 2004.
12. Fuko M. Oko vlasti. Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'y. Moskva: Praksis, 2006.
13. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. Moskva: «Ad Marginem», 1999.
14. Herostratism is the desire for fame and notoriety at any cost, often through committing destructive, antisocial, or criminal acts. The term originates from the name of the ancient Greek resident of Ephesus, Herostratus, who burned down the Temple of Artemis in 356 year so that his name would remain in history.
15. The name Alcibiades is often used as a synonym for "a person whose character combines strong qualities with many flaws (pretentiousness, careerism)."
16. Agamben G. Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life. Stanford: Stanford University Press. 1995.
17. Bogard W. Discipline and Deterrence: Rethinking Foucault on the Question of Power in Contemporary Society. The Social Science Journal, 1991, 28 (3), pp. 325-346.
18. Honnet A. (1989) Kritik der Macht: Reflexionsstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
19. Winkel G. Foucault in the forests – A review of the use of Foucauldian concepts in forest policy analysis. Forest Policy and Economics, 2012, 16, pp. 81-92.
20. Crawshaw P. Governing at a distance: Social marketing at the (bio)politics of responsibility. Social Science and Medicine, 2012, 75, pp. 200-207.
21. Bailey A. J. Migration, recession and an emerging transnational biopolitics across Europe. Geoforum, 2013, 44, pp. 202-210.
22. Jessop B. From micro-powers to govenmentality: Foucault's work on statehood, state formation, statecraft and state power. Political Geography, 2007, 26, pp. 34-40.
23. Vainio A. & Paloniemi R. Forest owners and power: A Foucauldian study on Finnish forest policy. Forest Policy and Economics, 2012, 21, pp. 118-125.

Для цитирования и библиографии: Сибирцев Г.И. Критика института комплексной психолого-психиатрической экспертизы в лекции Мишеля Фуко 1975 года в Коллеж де Франс // Право и государство. № 3(112), 2026. – С. 67-76. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_3_67

Материал поступил в редакцию 12.05.2026